

С тех пор как сын пошел в старшую школу, у Цзи Ханя и Цзи Чжуцзюня редко выпадала возможность вот так откровенно поговорить. Заметив, что дело пахнет чем-то серьезным, Цзи Хань тут же отставил чашку. Он осторожно прикрыл дверь, которая была приоткрыта лишь на щелочку, — всем своим видом показывая, что намерен выслушать сплетни, а точнее, провести доверительную беседу при свечах.

Цзи Чжуцзюнь немного помедлил, подбирая слова, и все же спросил:

— Вы не считаете, что мое влечение к нему — это ненормально?

Цзи Хань потрепал его по голове. Сын повзрослел, начал исследовать мир взрослых и задумываться о любви.

— Чжуцзюнь, ты должен знать: кого любить — твое личное право. Если ты действительно к нему неравнодушен, то нам с мамой остается лишь пожелать тебе счастья. К тому же не забывай, что первая любовь в школьные годы — самое прекрасное, что может быть в жизни.

— Даже если этот человек — Сяо Кэ? — продолжал допытываться Цзи Чжуцзюнь.

— Э-э... — Цзи Хань на секунду запнулся. — Ты можешь гарантировать, что род Цзи не прервется? В конце концов, можно воспользоваться услугами суррогатной матери. И еще...

Цзи Хань внезапно замолчал, проглотив остаток фразы. Сын и так чувствует себя неуверенно в вопросах любви, а он, вместо того чтобы поддержать, собрался еще больше его подавить! Это было бы просто возмутительно! К тому же существовали некоторые подробности, о которых Цзи Чжуцзюню пока не стоило знать. Например, то, что Сяо Юаньсин — человек с патологической тягой к контролю, или то, что он поднимал руку на свою семью.

Поразмыслив, Цзи Хань решил промолчать. Разве можно назвать преграды в любви настоящими трудностями? Он ободряюще похлопал сына по плечу и в конце концов вышел из комнаты, оставив Цзи Чжуцзюня наедине со своими мыслями.

Цзи Чжуцзюнь достал из-под подушки нефритовую подвеску. Его взгляд, холодный и неподвижный, замер на фигурке дракона из кристально чистого камня. В темных глазах не осталось и следа той наивности, что была мгновение назад. Бросив взгляд на семейную фотографию на столе, он усмехнулся и погасил свет, готовясь ко сну.

Он больше не был тем семнадцатилетним Цзи Чжуцзюнем.

В прошлой жизни из-за Сяо Кэ его внимание к семье Сяо достигло невероятных масштабов. Но чем больше он наблюдал, тем больше узнавал скрытых фактов. В том числе и о детстве Сяо Кэ.

Мать Сяо Кэ, госпожа Бай, скончалась, потому что после очередного избиения Сяо Юаньсином

ее не успели вовремя доставить в больницу. А так как семья Сяо обладала огромным влиянием и еще более могущественными покровителями, это дело удалось замять. Виновник, Сяо Юаньсин, несколько лет назад даже занял пост министра в одном из ведомств.

После смерти матери для Сяо Кэ начался настоящий кошмар. Если в доме оставалась лишь одна жертва для семейного насилия, легко представить, каким истязаниям подвергался беззащитный ребенок. Побои были еще самым безобидным. Хуже было то, что при заражении ран у него не было ни лекарств, ни нормальной еды, и он едва не погиб от жара, когда температура поднималась почти до сорока градусов...

Это не было сценой из фильма, это было реальное детство Сяо Кэ.

Цзи Чжуцзюнь до сих пор помнил, как в тот раз, узнав правду, едва не сошел с ума от ярости и был готов ворваться в санаторий, чтобы вырвать трубку кислородного аппарата Сяо Юаньсина. Лишь благодаря тому, что Цзи Хань вовремя взял его эмоции под контроль, удалось избежать непоправимого.

Но они оба прекрасно понимали: тот день, когда Цзи Чжуцзюнь начал расследование прошлого Сяо Кэ, стал днем, когда они с Сяо Кэ стали чужими друг другу.

Накрыв глаза рукой, он почувствовал, как горячие слезы потекли по щекам, пропитывая тонкую ткань подушки. Цзи Чжуцзюнь подумал, что был невероятно глуп.

Такой гордый человек, как Сяо Кэ, разве мог позволить кому-то узнать о тьме своего прошлого?

<http://bllate.org/book/21631/2231995>